

некоторые элементы «санпросвета». Но через несколько дней я прочитал в газете фельетон Тана, озаглавленный «Цинциннаты на болоте»¹. В нём он с преувеличенным драматизмом рассказывал, как недавний «законодатель», член Государственной думы, копает канавы и осушает болото...

Первая мировая война (1914–1916)

В мае и июне 1914 г. мне часто приходилось бывать в Институте экспериментальной медицины в связи с заботами о размещении оставшихся от Всероссийской выставки экспонатов. В то время уже в июне повсюду начались лесные пожары. Горели леса и торфяники в окрестностях Петербурга. Гарью и дымом был пропитан воздух в самом городе. Помню, какое удивление вызвали у меня слова С. К. Держговского, исполнявшего временно обязанности директора Института, когда в разговоре со мною он между прочим высказал своё мнение, что все эти лесные пожары — дело рук немцев, что горящие леса и торфяники — подготовительные меры к их военным планам. Мне показалось это плодом обывательского воображения. Однако спустя два-три месяца, когда немцы захватили часть Польши от Калиша до Млавы, я не раз вспоминал его слова.

14 июня 1914 г. я получил повестку из мобилизационного отдела явиться в качестве младшего врача запаса в воинское присутствие на Загородном шоссе. Мне было 45 лет, и я мог бы оспаривать правильность моего призыва, но ощущение общей беды, надвинувшейся на весь наш народ, устранило у меня даже самую мысль о каких-либо шагах для более рационального использования меня, чем в качестве младшего военного врача. Я явился в мобилизационную часть. Довольно долго толкался в разные двери. Наконец, в одной из комнат мне указали на стол, за которым сидел военный писарь, вручивший мне призывную повестку — явиться в ближайшие дни в Новгород в распоряжение дивизионного врача.

Сборы были недолгие. Через два дня я был в Новгороде. Дивизионный врач Ларисов, выглядевший стариком, принял меня весьма любезно. Дал мне назначение младшим врачом дивизионного лазарета и поручил сформировать роту носильщиков. Мне были выданы подъёмные на обмундирование и на покупку лошади, а пока мне была предоставлена обозная лошадь на случай выступления в поход.

Вместе с полками, укомплектованными наскоро обмундированными, только что призванными из запаса солдатами мы очень скоро выступили из Новгорода. В течение двух или трёх дней в пешем строю прошли по шоссе до Чудова, чтобы там грузиться в воинский эшелон и отправляться по железной дороге к месту формирования армии, предназначенной для вытеснения из Польши немецких войск, занявших к тому

¹ Цинциннат, римский патриций, консул (460 до н. э.), диктатор. Согласно преданию, в жизни Цинциннат был образцом скромности, доблести и верности долгу.

времени (вторая половина июля) Млаву, Прасныш и продвигавшихся к Новогеоргиевской крепости. Идя по Новгородскому шоссе в Чудово, мы на ходу осваивали военные порядки. Получали приказ с точным указанием маршрута и места стоянки. Для обеспечения места ночлега высылали квартирьера. Первый ночлег был в большом селе у шоссе. Солдаты разместились по дворам и избам. Врачи дивизионного лазарета на своих походных матрацах ночевали в просторном крестьянском доме, где заботами наших денщиков был приготовлен обед и чай. Я пытался добросовестно найти какое-нибудь полезное дело. Осмотрел вверенную мне роту носильщиков, весь имеющийся инвентарь (носилки, шины, перевязочный материал), начал заниматься обучением приёмам переноски раненых и т. п.

В конце июля, после недолгого периода формирования учреждений дивизии в районе Новогеоргиевской крепости, начался наш поход в направлении Млавы и Сольдау. Пехотные полки и вслед за ними наш дивизионный лазарет и дивизионные госпитали двигались по маршрутам, точно указываемым в ежедневно получаемом каждым подразделением приказе. Дневной переход составлял обычно 40–60 км. Ночёвки устраивались либо в опустевших помещичьих имениях, либо в польских деревнях.

Всюду, пока мы шли по местам, ещё не побывавшим в руках немцев, нам легко удавалось купить все необходимые продовольственные продукты (яйца, молоко, творог и пр.). На более долгий срок мы задержались во Млаве, которую немцы оставили без боя. Комната, в которой я провёл несколько дней, занята была до меня в течение месяца немецкими лейтенантами. Мы аккуратно платили хозяйке дома наличными деньгами за всё, чем пользовались: за чай, молоко и т. д. С обидой и огорчением показывала мне хозяйка-полька расписки, данные ей вместо денег немецкими офицерами. По её словам, немцы были очень требовательны, вели себя «по-барски, как приличные господа». Расписки на немецком языке гласили: «Подлежит оплате русским правительством такой-то гражданке такая-то сумма за доставленное продовольствие». Эти издевательские расписки наивная полька принимала и берегла.

Дальнейшее продвижение наше от Млавы до границы и далее до Сольдау проходило уже по совершенно опустошенной местности с разрушенными деревнями. От домов оставались только дымовые трубы. Жители в большинстве своём разбежались, но после отхода немцев начали возвращаться на свои пепелища. Противник спешно очистил не только нашу пограничную область, но и все близкие к границе свои населённые пункты. Возвратившееся население польских деревень устремилось в немецкие опустошённые посёлки, и мы видели по всем дорогам, как поляки всех возрастов несли из покинутых немцами домов всякую утварь, гнали свиней и скот.

Мы переходили границу в жаркий августовский день. На большом протяжении растянулись и рассеялись по песчаной холмистой местности, по просёлочным дорогам наши обозы и тыловые части. Я шёл пешком со своей ротой носильщиков. Жара, пыль, невыносимая усталость. Но вот мы уже подошли к пограничным столбам. И неожиданно солнце стало необычно тусклым, Наступили вечерние сумерки. Все люди как-то притихли. Но вскоре вечерние сумерки вновь сменились светлым летним вечером с

солнцем, склонившимся к закату. Это было почти полное солнечное затмение 8 августа 1914 года.

Первая наша остановка на ночлег после перехода границы была в немецком городке Илово (Восточная Пруссия), километрах в десяти за нашей границей. Город был совершенно пуст. Никаких разрушений, никаких следов войны. Чистые улицы и дворы. Аккуратные, точно новые дома. Трёхэтажное школьное здание с благоустроенным школьным двором и садом. И ни одной души местного населения. По городу были развешены распоряжения немецкого командования — всем без исключения жителям покинуть город, не увозя с собой никакого имущества, к 2 часам дня, а мы вошли в город часов в 7. В домах на столах оставалась обеденная посуда. В печах стояли кастрюли с неостывшей пищей. Приказ о немедленном оставлении города был дан внезапно и выполнен с точностью.

Осмотрев несколько домов и дворов, мы выбрали для ночлега школьное здание. Врачи разместились в жилых комнатах нижнего этажа с отдельным лестничным ходом, обставленных уютной мягкой мебелью и комнатными цветами. Для ночлега команды отведены были классные комнаты. Школьные парты оставались составленными в глубине классов, а на полу была навалена солома. Пока я распределял помещения в нижнем этаже, я увидел, как из окон верхнего этажа полетели разные предметы: чучела птиц, витрины, приборы. Я бросился наверх и увидел, как с десяток солдат с каким-то диким азартом ломают мебель, рвут показательные таблицы, разбивают приборы, топчут гербарии, выбрасывают в окна чучела. Это был какой-то бешеный экстаз разрушения. Не действовали мои призывы к совести, к разуму, к стыду этих призванных из запаса и, следовательно, не молодых уже людей, одетых в солдатскую форму. «Смирно! Стройся! — закричал я. Рефлекторно, реагируя только на эту команду, люди остановились в ряд подле меня. Стараясь быть особенно доходчивым, я объяснил недопустимость хулиганского разрушения научных наглядных пособий, которые могли бы с пользой служить просветительным целям. «Понимаете, какой позор падёт на русских воинов от вашего бессмысленного буйства?» — «Так точно, Ваше Высокоблагородие!». Но, не успев спуститься вниз, как из окон третьего этажа вновь посыпались обрывки, обломки и куски музейных наглядных пособий и слышался звон разбитого стекла. Только утром мне стала ясна причина буйства, до этого дня очень дисциплинированных и тихих людей. В немецких пустых квартирах они нашли алкогольные напитки и без всякого удержу успели напиться допьяна.

Поздно вечером, когда я устраивался спать на диване в одной из комнат квартиры учительницы, я вдруг явственно услышал придавленные стоны из-под кровати за ширмой. Хотя раньше, чем разводить нас по комнатам, квартирьер тщательно осматривал с солдатами все закоулки, тем не менее, я вызвал дежурного дневального и попросил посмотреть под кроватью за ширмой, откуда неслись стоны. Там оказалась забившаяся в самый угол собака. Солдаты весело смеялись, вытаскивая её из-под кровати. Мопс только жалобно стонал, из глаз его катились слёзы. Я приготовил еду, ласково угощая его. Он не прикасался к пище, продолжая мрачно скулить. Вся его поза

и вид выражали безутешное горе и такое отчаяние, какое доступно только глубоко чувствующим людям. В письмах с фронта к моей тогда одиннадцатилетней дочери Лёле¹ я рассказывал о разных типах собак, которых я наблюдал во время похода, описал я и этого мрачного меланхолика мопса. Это был исключительно ярко выраженный образец собаки с сильными тормозными реакциями. Даже самый сильный «безусловный» пищевой рефлекс при виде придвинутой к его морде мясной еды не мог преодолеть овладевшей им тормозной реакции, вызванной непосредственным горем и тоской по покинувшей его хозяйке.

Ярким контрастом с этой съёжившейся и окаменевшей от жизненной катастрофы собакой была дворняжка, приставшая накануне к одной из повозок нашей роты носильщиков. Мы проходили мимо совершенно уничиженной польской деревни. Торчали только оставшиеся от печей стояки дымовых труб. Откуда-то выбежала с лаем поджарая собачонка. Ездовой поманил её куском хлеба. Она весело вскочила на козлы, виляла хвостом, лизала нового хозяина, а когда мы остановились на привале, она уже рьяно охраняла его, ласкалась, точно долгие годы, а не несколько лишь часов жила с ним. Это был тип легкомысленного сангвиника, не особо задумывающегося над бедой и легко переходящего к новому безмятежному настроению. Эта собака напоминала мне гоголевского Ноздрёва.

В Илове мы простояли два дня. Этот приграничный посёлок очень мало походил на польские сёла и небольшие города типа Млавы, где мы стояли до перехода через границу. Там нигде не было мощёных улиц, не было тротуаров. Смешно было и думать о водопроводе и канализации. Ночуя в семье польского хлебороба, я страдал от того, что не было при этом неплохом в целом доме никакой уборной. Когда утром я вышел в поисках уборной, я с изумлением увидел, что в сенях (без настила и пола) в углу было несколько куч испражнений. Хозяйка убирала их лопатой и выносила за дом на грядку, а угол засыпала свежей землёй и песком.

В Илове же дома были городского типа, с палисадниками, с проведённой в них водой. Проезд на улице был шоссирован, а пешеходные полосы имели вид удобных аккуратных набивных тротуаров с обсадкой деревьями. В школе была очень чисто содержимая дворовая уборная; подставной плоский ящик выдвигался, как на рельсах, на деревянных брусках. В него засыпали торф, запас которого хранился тут же, под навесом. Ящик опорожнялся на вскопанные, подготовленные для посадки грядки в школьном саду. Вокруг ящика не видно было ни грязи, ни луж. Можно сказать, всё поражаало аккуратностью и чистотой, которая, очевидно, воспитывала привычку к чистоте и у школьников.

Из Илова мы двинулись по хорошему приграничному прусскому шоссе в Сольдау, откуда немецкие войска отступили неожиданно, при первом же натиске нашей дивизии и полка казачьей кавалерии. Шоссе было обсажено фруктовыми деревьями. С досадой видел я, как ехавший рысью по обочине кавалерист с ловкостью упражнялся в том, что шашкой, не замедляя бега лошади, рассекал один за другим молодые стволы деревьев.

¹ Так звали в семье младшую дочь — Валентину Захаровну.

Перед нами по этой дороге прошли уже пехотные полки, преследовавшие отступающего противника. Глухое чувство возмущения против немцев, разоривших наши польские деревни, стихийно проявлялось у наших солдат. Вот, по дороге — усадьба, рядом с нею у шоссе пивная и буфет. Мебель не увезена из домов. Проходя мимо, солдаты забегают в помещения, со звоном и громом разбивают зеркала, прилавки, ломают бесцельно мебель. Где-то в сарайчике осталась откормленная свинья. Догоняя ушедшую вперёд роту, два солдата тащат наспех отрезанные свиные окорока.

Впервые перед глазами обнажается до конца подноготная военных будней. Перед самым Сольдау мост через реку оказался взорванным. В короткий срок шедшие впереди нас солдаты соорудили переход через речушку, использовав для этого пять-шесть срубленных придорожных старых тополей. Перед этим самодельным мостом — большой затор людей, повозок, солдатских кухонь и пр. И удивительно: когда неделю спустя мы отступали под сильным артиллерийским обстрелом из Сольдау, переправа через речку оставалась в прежнем виде! Технические и сапёрные части в царской армии стояли на низком уровне, вернее, я их нигде ни разу не видел, следов их деятельности не было заметно.

Мы вошли в Сольдау в жаркий августовский полдень. Город был покинут населением совершенно внезапно. В разных местах на стенах домов расклеены были приказы немецкого командования о немедленном, в течение двух часов оставлении города. В магазинах, лавках, учреждениях и квартирах всё оставалось нетронутым. Как и в Илове, кое-где в квартирах на столах оставался обед. Водопровод в городе, однако, был остановлен. Водопроводные краны в квартирах, на улицах, в водоразборах были открыты, но вода не шла.

Мы выбрали на окраине города вновь отстроенное больничное учреждение. Это была довольно крупная частная, богато обставленная лечебница с обширным благоустроенным двором, с хорошо оборудованным хирургическим отделением, операционной, с большими запасами белья и другого госпитального инвентаря и аптечных средств. В особом крыле клиники находились несколько запертых палат для инфекционных больных. Многие помещения оказались закрытыми. Получив приказ о немедленной подготовке помещения для развёртывания следовавшего за нами военного госпиталя, мы разыскали в одном из соседних домов укрывавшуюся там кастеляншу больницы и предложили ей сдать ключи и весь больничный инвентарь под расписку. Она подняла шум, кричала, что всё это — частная собственность и т. д. Так как из всех врачей изъясняться по-немецки мог только я один, то я объяснил этой почтенной даме, что она не ориентируется в обстановке, что, получив приказ о срочном развёртывании перевязочного пункта и подготовке всех помещений под военный госпиталь, мы должны это сделать немедленно, и если мы не получим ключей, то вынуждены будем взломать все двери, замки и шкафы. Она возражала мне, угрожая всяким начальством. Но, в конце концов, увидев, что двери взламываются, она всё-таки указала, где были спрятаны все ключи. Мы немедленно вывесили над больницей флаги Красного Креста, подготовили перевязочные, операционную, палаты.

Непреодолимую трудность представляло отсутствие воды. Из кранов вода не шла, запасов её нигде не было. Вблизи не оказалось ни одного колодца. Пришлось идти почти за километр к реке Сольдау, берега которой представляли собой поросшее осокой болото. Кое-как наладили доставку воды вручную и принялись за её кипячение. К ночи нам доставили первых раненых. От них мы узнали, что наши полки продвинулись уже вёрст на 15 за Сольдау к городу Уздау, но дальнейшему продвижению мешает сильный артиллерийский обстрел.

В течение следующих дней раненые к нам не поступали. Мы имели возможность ознакомиться с городом и положением в нём. Всё больше и больше прибывало в город наших воинских частей. Повсюду ходили группами солдаты, бродили в одиночку отдельные офицерские чины, санитары, военные писаря и чины нестроевых команд. Большинство магазинов на главных улицах были раскрыты или разбиты. Всюду люди запасались вином, утоляли жажду пивом. Кое-где уже встречались пьяные. Время от времени из окон верхних этажей и с крыш раздавались выстрелы и прохожие бежали под укрытия. У меня возникла мысль попытаться обследовать водопровод и попытаться запустить его. Стояла сильная жара. Томила жажда. Так необходимо было дать людям возможность помыться после похода, освежиться от пыли и пота. Я доложил обо всех своих соображениях дивизионному врачу д-ру Ларисову, которому я был подчинён. Он сухо ответил мне, что на военной службе нужно ждать приказов и выполнять их и что нечего мешаться не в своё дело. На мой вопрос, а могу ли я обратиться к вышестоящему начальству, пока нет работы в лазарете, он с некоторым неудовольствием сказал: «Пишите рапорт в штаб дивизии». Я написал рапорт. Изложил, как трудно обслуживать санитарные нужды без воды, указал на опасность появления в это время года среди солдат дизентерии, брюшного тифа и т. д. Ввиду знакомства моего с водопроводным делом я просил разрешить мне заняться осмотром водопроводной сети и станции, чтобы выяснить, нельзя ли возобновить подачу воды. С этим рапортом я пришёл в штаб. Там отнеслись к нему с большим вниманием и направили меня в штаб корпуса, где я так же встретил отзывчивость и внимание. Были вызваны из какой-то сапёрной части два дорожных мастера, с которыми я направился к коменданту города. Его я встретил на улице. Это был полковник Басов, человек с окладистой русой бородой. Во время похода к Млаве мне пришлось провести вместе с ним одну из ночёвок в польской крестьянской избе. Тогда он оказался очень интересным собеседником. До поздней ночи обсуждали мы с ним различные литературные темы. Он хорошо знал и тонко ценил Тургенева и Толстого, а также Короленко, Чехова и даже Горького. Теперь я рассказал ему об острой необходимости попытаться поправить дело с водоснабжением. В его присутствии мы открыли несколько уличных контрольных колодцев, в которых оказались открытыми пожарные краны. Вода стояла в колодцах без напора. Нужно было повсюду закрыть краны и пожарные затворы. Басов озабоченно заметил, что с этим нужно спешить. Мы совершенно бессильны против уже начавшихся в городе пожаров. «Причину вы видите», — сказал он, указывая на группу совершенно пьяных солдат. — «Всюду в магазинах вино, а результат налицо».

Басов организовал специальные команды, которым было поручено систематически уничтожать склады и запасы вина. Он был без шашки, но с камышовой палкой в руке, на которую он опирался, так как прихрамывал на одну ногу. В это время из магазина вышли несколько солдат. Он подозвал их и, не повышая даже голоса, скомандовал «Смирно!», после чего приказал первому в ряду вывернуть карманы. Оттуда вывалилось несколько часов. — «Снимай рубашку!» За пазухой оказались взятые в магазине дамские чулки, сорочки и пр. «Снимай штаны! Ложись!». Басов передал свою палку ближайшему к нему солдату и приказал бить ею лежащего.

Я ушёл вперёд, чтобы не видеть этой отвратительной, унижительной сцены. Она длилась долго. Эта процедура была проделана по порядку со всеми четырьмя задержанными солдатами. Такой «отеческий» метод полковник Басов применял многократно, пока не наладил сторожевое охранение и не ввёл военные патрули. При встрече со мною, видя, очевидно, моё негодование, он спокойно сказал: «Я должен был за мародёрство отдавать под трибунал или расстреливать на месте. Я вышел из положения, как мог».

С данными мне помощниками я обошёл ряд улиц близ водопроводной станции, проверил, закрыты ли краны. Затем мы приступили к осмотру самой станции. В машинном отделении выяснилось, что из артезианской скважины вода поднималась при помощи эрлифта, но воздушный компрессор бездействовал. Он приводился в движение газовым мотором, а газа в газгольдере не было. Газовый завод, составлявший с водопроводом единое предприятие, был остановлен. Печи, подогревавшие реторты для отгонки газа, были погашены. Мы поднялись по винтовой лестнице наверх. В водопроводной башне я натолкнулся на какие-то загадочные немецкие козни. Верхнее отделение башни было забито соломой. Поверх толстого слоя соломы горела длинная свеча, нижний конец которой был вставлен в солому. Очевидно, когда свеча догорела бы до соломы, та должна была бы загореться.

Мы немедленно загасили свечу, тщательно осмотрели все закоулки, нет ли там ещё каких-либо следов злоумыслия, затем заперли своим замком вход в башню. После нескольких часов обследования я убедился, что моих технических знаний не хватает, чтобы пустить в ход газовый завод и газомотор. Я отправился в штаб и подробно доложил обо всём обнаруженном на водопроводе. В штабе я узнал, что, оставляя свечи в соломе, немцы уже вызвали пожары в разных концах города. Густой чёрный дым с чердаков домов, видный издалека, служил сигналом и ориентиром для артиллерийских обстрелов, проводимых противником.

Вечером того же дня я стал свидетелем неожиданной сцены нарушения дисциплины солдатами. Когда в девять часов вечера по обычному сигналу трубача солдаты собирались на вечернюю молитву, и послышалась команда снять шапки, в нескольких местах слышались брань, пьяные возгласы. Солдаты оставались в шапках. Было немало пьяных. За нашим госпиталем в спуске к реке были установлены орудия мортирного батальона. Ночью нам начали непрерывно подвозить из расположения стоявших впереди полков раненых. Это была страшная ночь. Хирург целую ночь и утро следующего дня без отдыха производил сложные операции: ампутировал конечности,

тампонировал после соответствующих полостных операций. Мы, другие врачи (включая меня), делали перевязки, промывали раны, ассистировали при операциях. Все кровати оказались занятыми. Пришлось класть раненых во дворе.

В довершение всего у нас по-прежнему недоставало воды. Начался обстрел. Рвались шрапнели, и это затрудняло поднос воды из реки. По существу, работа шла автоматически. Никакого приказа нам дано не было. Укладывая раненых во дворе, я видел, как мимо нас уходили отступающие войска. Везли орудия, шла пехота, наконец понеслась казачья конница. Во двор зашёл весь в поту большого роста какой-то офицер, судя по погонам — артиллерийский полковник, обратился ко мне, прося пить. Я показал ему на заполненный ранеными двор. «А что вы тут мешкаете?» — сказал полковник Бек. «А что же нам делать? Ведь мы никакого приказа не получали!» «Какой там приказ!» — ответил он. — «Ведь ночью все штабы ушли, не до вас им было. Грузите раненых и скорее уходите, пока сзади есть прикрытия».

Я немедленно доложил об этом дивизионному врачу Ларисову. Старик был не вполне трезв, однако сразу оценил положение, увидев уходящих мимо нас казаков. Полковник Бек, уходя, посоветовал уложить раненых в телеги, освободившиеся от мешков муки, привезённых ночью. Всё продовольствие было свалено в поле в кучи, мы уложили раненых в наши 32 носилочных повозки и в 193 телеги и двинулись из Сольдау по той же дороге, по которой неделю назад вошли в город. Был жуткий момент, когда показалось, что мы не сможем взять всех раненых и придётся нескольких наиболее тяжёлых оставить, а с ними и кого-нибудь из врачей. Раненые молили не оставлять их. Ларисов приказал бросить жребий, кому из нас, младших врачей, оставаться. Но в это время мы остановили несколько полковых повозок, ехавших по дороге. Я настойчиво потребовал, чтобы они заехали во двор и взяли раненых.

По той же временной переправе через р. Сольдау, сооружённой из наспех сваленных придорожных тополей, вышли мы из города. И здесь глазам представилась страшная картина беспорядочного отступления самых разнообразных воинских частей и формирований. Тянулись артиллерийские части; неслись на рысях группами и в одиночку, обгоняя пехотные батальоны, кавалеристы; по дорогам и без дорог, куда ни глянь, тянулись обозы, кухни, шла без строя и в строю пехота.

Мы шли на Илово. День был жаркий, всё было окутано пылью. Я шёл пешком, отдав свою двуколку для раненых. Перед нами в разных местах рвались снаряды. Казалось, что мы идём прямо на обстреливаемые перед нами площади. Снаряды рвались всё чаще. Солдаты роты носильщиков кое-где отбегали от вереницы наших двух с лишним сотен телег, на которых лежали и сидели беспомощные люди, требовавшие наблюдения. Я обходил все телеги. Спокойно и дружески разговаривал с ранеными, стремясь вызвать у них презрительные насмешки над теми, кто метался из стороны в сторону, теряя спокойствие. Ведь совершенно же ясно было, что убежать было совсем некуда: мы были видны со всех сторон и являлись хорошей целью для обстрела. Нужно было выполнять приказ об отступлении в Илово, где была

приготовлена стоянка на ночь. Но там, впереди, где должно было показаться Илово, вздымались к небу столбы чёрного дыма от пожаров, вызванных артиллерийскими снарядами.

Я видел, как в разных местах офицеры — пешие и на лошадях — собирали солдат, у которых были винтовки, вели их поодаль от дороги и развёртывали цепи. Но кое-где солдаты подымались и бежали к дороге, чтобы смешаться с беспорядочными массами отступающих.

Настоящая паника началась как-то неожиданно и сразу охватила всё поле и все дороги, по которым шли преимущественно обозы и нестроевые части. По дороге, в сопровождении ординарца, быстро пронёсся рысью офицер, повторявший громко и внятно команду о развёртывании охранных стрелковых цепей слева от дороги, откуда, по-видимому, была опасность появления немецкой конницы. В этой команде слышны были слова «немецкая конница слева». Передние обозы понеслись, за ними безудержно бросились бежать, кто во что горазд, все, кто только мог. Я по своему характеру отношусь к людям робким, но всякая бессмысленная паника вызывает у меня непреодолимое чувство отвращения и презрения. Я пытался стоять, удерживать, стыдить.

Когда я увидел, как офицер шашкой пытается обрубить построения лошади, запряжённой в парную телегу, я с двумя нашими солдатами из роты носильщиков пытался его удержать, стыдил его, как презренного труса. В конце концов, мы отобрали у него шашку. Он производил впечатление обезумевшего, невменяемого человека. Мимо нас в хаотическом беспорядке неслись военные повозки, с которых на ходу выбрасывали ящики и утварь. На дороге оставались телеги без лошадей. Это была самая отвратительная и унижительная картина, какую только можно было себе представить. К счастью, обстреливаемая артиллерией площадь была неглубокой и, выйдя из-под обстрела, мы ещё засветло добрались до Илово. Здесь постепенно собирались разбросанные паникой отступавшие и находили свои части.

Придя позже других врачей (так как я был без лошади), я воспользовался всеми удобствами подготовленного ночлега. Наши линейки и телеги с ранеными были, к счастью, целы. Нужно было с утра передавать раненых в подошедший поезд. Но утром произошло нечто гораздо худшее, чем то, что я видел по дороге из Сольдау.

Когда на восходе солнца я вышел умываться, совсем невысоко, сверкая в лучах только что взошедшего солнца, приближался дирижабль. По обыкновению отовсюду началась стрельба из винтовок и револьверов. Дирижабль пролетел прямо над нашими головами и, пролетая над железной дорогой, сбросил один за другим два крупных разрывных снаряда. В это время я увидел, как вынеслась на поляну артиллерийская батарея, как быстро были отведены лошади, и начался обстрел дирижабля. Снаряды рвались то впереди него, то сбоку. Круто развернувшись, дирижабль скрылся за лесом. Вечером, когда мы были уже в Млаве, привезли 12 немецких военнопленных, в том числе одного врача из этого дирижабля. Дирижабль подбили, и он снизился в расположении нашей казачьей части. Вагоны с ранеными не пострадали. Были разрушен путь и погнуты от взрыва рельсы, уничтожен служебный вагон.

Пока я рассматривал повреждение поезда, оказывается, пробуждённые взрывами обозники и другие солдаты, в том числе и наша рота носильщиков, бросились бежать по дороге на Млаву. Разыскав нескольких оставшихся, я с ними к вечеру добрался до города, где мы оставались несколько дней, пока наводился порядок, формировались собравшиеся части и т. д.

Затем нашему лазарету приказано было направиться через Прасныш к Йоганесбургу, куда переброшен был один из полков нашей дивизии. Через два или три дневных перехода мы вышли на дорогу, с двух сторон которой было непролазное болото, из которого торчали завязшие пушки, военные повозки, снарядные ящики... Это были следы катастрофического отступления корпуса генерала Иванова. Здесь мы получили приказ вернуться по дороге к Праснышу. На этом пути все наши линейки (каждая на четверо подвесных носилок) были заполнены ранеными. Когда мы выходили из леса в 5–8 км от Прасныша, по обочинам и по самой дороге двигались и ползли раненые. Их было много. Мы взяли столько, сколько было возможно, и должны были с болью проходить мимо остальных раненых, умолявших о помощи. Нас торопили, так как перед нами спешно рыли окопы и развёртывали передовое охранение.

Придя в Прасныш, где находился штаб корпуса и были развёрнуты передовые госпитали, мы передали им привезённых раненых, и у меня возникла мысль попытаться ещё до ночи вывезти хотя бы часть тех раненых, которые остались в зарослях леса и по дороге. Я отправился к дивизионному врачу Ларисову и просил его разрешить взять линейки и спешно поехать за ждущими помощи солдатами. Он по-солдафонски наорал на меня, чтобы я ждал приказа и не совался, куда мне не приказано. Позднее он в более сдержанном тоне объяснил, что каждую минуту может придти приказ выслать линейки в другое место и что же он сможет тогда ответить? Смиловившись, наконец, он сказал, что если я настаиваю, то я должен идти в штаб корпуса и просить разрешения там. В штабе корпуса дежурный очень доброжелательно выслушал меня и сказал, что ночью, вероятно, придётся уходить из Прасныша, но до ночи я могу взять линейки (фургоны для раненых) и, если найдутся добровольцы, отправиться с ними за ранеными. Со всею мыслимой спешностью я доложил об этом дивизионному врачу. Я был чрезвычайно обрадован, когда со мною пожелал отправиться один из врачей дивизионного госпиталя доктор Казицкий. Из роты носильщиков набралось достаточно солдат, и с четырьмя фургонами мы вдвоём на верховых лошадях выехали из Прасныша. Нас пропустили через окопы, уже занятые передовым охранением и казачьими патрулями, но нам не пришлось ехать далеко, так как очень скоро мы до предела заполнили наши фургоны и с горестной болью, невзирая на просьбы и мольбы остающихся других раненых, благополучно вернулись в город.

Ночью действительно получен был приказ оставить Прасныш и двигаться к Носаржевскому лесу. В этом вековом сосновом бору мы разбили палатки и, по полученному нами приказу, простояли, сколько помню, недели две. Работы не было. И днём, и ночью до нас доносился гул орудий. По дороге мимо нас проходили воинские части: на впервые появившихся санитарных автомашинах Красного Креста провозили раненых, а мы всё не по-

лучали приказа к выступлению. Осень (конец сентября) была тёплая, стояли ясные солнечные дни, и мы, не отходя далеко от палаток, гуляли по лесу, гонялись за белками, слушали вместо птиц взвизгивания проносившихся на излёте где-то высоко между ветвями ружейных пуль. Наконец пришёл приказ двигаться в Радзинин, где мы получили почту, а через неделю были переброшены (уже во время заморозков) в Варшаву, на Мокотовское поле. Там в ночное время приходилось организовывать вынос раненых.

Располагались мы в больших овечьих сараях. Сена на подстилку было достаточно. И тут я заболел. Сначала, думалось, гриппом или катаральной пневмонией. Случались дни, когда вся рота была занята. Я оставался один в сарае, пока коллеги не возвращались с дежурства. И вот тогда во время обстрелов, когда мне видны были рвущиеся снаряды, я переживал отвратительное чувство жуткого подсознательного страха. До тех пор при обстрелах в Сольдау и под Праснышем я совсем не ощущал страха, так же, как не боялся во время бурных волн на Ладожском озере. Сознание, что никакие мои действия изменить ничего не могут, порождало полное спокойствие фаталистического безразличия. Всё равно ничего изменить нельзя, следовательно, это меня, моего поведения не касается: «храни спокойствие в трудных обстоятельствах...» — по эпикурейскому совету Горация.

Болезнь моя затягивалась, и меня направили в госпиталь. Когда в Варшавском военно-санитарном бюллетене в числе эвакуированных с фронта раненых и больных был назван также и я, меня разыскал и навел в эвакуогоспитале заведующий варшавской санитарной организацией доктор И. В. Поляк. Он хорошо знал меня по Пироговским съездам, а также по Дрезденской и Всероссийской гигиеническим выставкам. По настоянию Поляка, я был перемещён в госпиталь Красного Креста, организованный в Варшаве на средства, собранные еврейской общиной. Он бесплатно обслуживался врачами-специалистами и добровольно работавшими в нём в качестве простых военных сестёр милосердия дамами из кругов еврейской варшавской интеллигенции. Это был очень крупный госпиталь, прекрасно оборудованный и до мелочей тщательно, удобно и уютно организованный. К больным относились с большим вниманием и заботливостью.

По консультации со специалистами у меня была определена плевропневмония. Меня часто навещал доктор Поляк, в госпиталь доставлялись газеты и журналы. Наконец, температура стала снижаться, но ещё долго оставались большая слабость и сильное потение. По заключению эвакуационной лечебной комиссии я подлежал эвакуации в тыл, так как из-за неустойчивости температуры и остающегося плеврита болезнь моя надолго делала невозможным возвращение на работу в условиях фронта. В начале ноября 1914 г. я был эвакуирован в военно-санитарном поезде в Москву, а оттуда направлен в Петербург в распоряжение начальника Военно-санитарного управления Петербургского округа.

Я приехал домой, к семье, на нашу «Полоску» 9 ноября. После ранних морозов в Петербурге стояла дождливая погода. Мне был дан отпуск на два месяца. Дома, несмотря на слабость, я стал постепенно работать во дворе. Нужно было срочно заканчивать устройство погреба, налаживать работу канализации и переводить на зимний режим поле орошения.

Как только я оправился и смог бывать в городе, я поделился всеми моими впечатлениями и мыслями по поводу положения на войне с Иваном Андреевичем Дмитриевым, а также со своими товарищами по кадетской партии П. Н. Милюковым, Д. Д. Протопоповым и А. И. Шингарёвым¹. Мне казалось необходимым рассказать о некоторых, на мой взгляд, существенно важных выводах, сложившихся у меня за пять месяцев непосредственных наблюдений и опыта службы в качестве работника низового звена устаревшей бюрократической военно-санитарной машины. Мне казалось также необходимым добиться признания неправильности муссирования во всей нашей печати точки зрения, будто бы бесчеловечные жестокости, попрание всякой гуманности, вероломство и варварство, разрушение и нарушение всех достижений культуры не присущи самой войне, не её фактическое содержание, а только допущенные немцами «зверства». Я рассказывал о польских и немецких деревнях, о школах и других общественных зданиях, разрушенных артиллерией, о сжигании складов продовольствия и жилых домов, о дорогах, по которым тянутся толпы изгоняемых («эвакуированных») из прифронтовой полосы женщин, детей, стариков, о насильственном (и неизбежном) отнятии скота и продовольствия утомлёнными и голодными солдатами, об установке тяжёлой нашей артиллерии часто в непосредственном соседстве с развёрнутыми госпиталями и т. д. Неизбежный ответный обстрел артиллерийских позиций противником изображается тогда не как обычное проявление сущности войны, а как «нарушение» якобы существующих её правил и необычное зверство. А все приёмы допросов захваченных «языков»! Война срывает всякий покров приобретённой и с таким трудом воспитанной культуры и гуманности и обнажает звериные нравы вышедшего из привилегированных сословий офицерства и даже врачей. Я рассказывал о повседневном привычном «мордобое» офицерами нижних чинов. Нужно всю силу просветительного воздействия литературы направить против самой войны, как той формы варварства, которая абсолютно несовместима с существующим уровнем народного сознания и культуры.

Все мои доводы по этому пункту, невзирая на признаваемую собеседниками полную верность и глубокую искренность моих наблюдений, не находили у названных выше моих собеседников никакого отклика. Они отклонялись простым замечанием: «Это вопросы не практической политики». Другой мой вывод был — о недостаточности и непригодности военно-бюрократических медицинских учреждений для санитарного и врачебного обслуживания и самой армии, и прифронтовых полос с эвакуированным населением, с массами беженцев, и потому о необходимости неотложно и спешно организовывать соответственные общественные учреждения, оснащённые современными техническими средствами и методами

¹ Шингарёв Андрей Иванович (1869–1918) — земский деятель, врач, публицист, один из лидеров кадетов. Депутат 2-й–4-й Гос. дум. В 1917 министр Временного Правительства. Зверски убит вместе с Ф. Ф. Кокошкиным матросами-анархистами в больнице. См.: *Френкель З. Г.* Основной мотив общественной и политической деятельности у А. И. Шингарёва и Ф. Ф. Кокошкина // *Русский врач.* 1918. № 2.

общественно-санитарной работы. Этот вывод не встречал возражений, и потому признавалось вполне своевременным сосредоточивать внимание на этой проблеме в журналах «Земское дело» и «Городское дело», а также в газетах и кругах Государственной думы.

С оставшимися на фронте моими сотрудниками и сослуживцами, а в особенности с моим денщиком, который был для меня самым дорогим товарищем и другом, поддерживались у меня отношения путём переписки. Они ожидали скорого моего возвращения, но дело повернулось по-иному.

Фронтовой опыт привёл меня к выводу, что главное условие против эпидемической опасности в армии — это не только проведение иммунизации прививками, но, прежде всего, исчерпывающе полная противоэпидемическая обслуженность прифронтной полосы и районов формирования войсковых частей, направляющихся к фронту. Такая обслуженность требует организации сети общедоступной врачебной помощи (по типу участковой медицины с участковыми же лечебницами), поэтому общественным организациям (земскому и другим союзам) следует взять на себя выполнение этой задачи. В то же время, в этой полосе должны быть хорошо оборудованные прифронтные тыловые больницы и госпитали для разгрузки военных госпиталей. Во всех областях и городах следует организовать всесторонне оборудованные в санитарно-техническом отношении крупные эвакогоспитали. Они должны организовываться с учётом их последующего послевоенного использования для обслуживания населения. Чрезвычайно важна разработка проектов водоснабжения и канализации городов. Некоторые из этих взглядов были обоснованы мною в особой записке, а позднее вошли в мою статью, напечатанную в «Общественном враче».

Я подробно излагал все эти соображения Ивану Андреевичу Дмитриеву. С полной откровенностью рассказал ему о безнадёжном бюрократизме военно-санитарной службы, связанности военных врачей субординацией и опутывающими всякое живое проявление инициативы уставами и приказами. Иван Андреевич уже занимался в это время организацией «Земского и городского союза для помощи раненым и больным воинам»¹. У него возникла мысль добиться через начальника Военно-санитарного округа назначения меня на работу в столице в том или ином военно-санитарном учреждении, с тем, чтобы я принял участие в деятельности областного петербургского комитета «Союза городов» по осуществлению системы предлагаемых мною форм помощи общественных организаций военно-санитарному ведомству.

По просьбе Ивана Андреевича, приказом начальника Военно-санитарного округа я по выздоровлении должен был явиться в Главный петербургский Николаевский военный госпиталь для работы в лаборатории клинической диагностики. Госпиталь находился на Суворовском проспекте. Главным врачом лаборатории был доктор Окунев, а старшим вра-

¹ Сокращённо «Земгор», объединённый комитет Земского и Городского союзов, создан 10 июля 1915 для помощи правительству в организации снабжения русской армии. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 упразднён декретом Совнаркома.

чом отделения клинической диагностики и бактериологии был призваный из запаса М. М. Гран. Его помощниками были доктор Ширвинд и я. Кроме того, в лаборатории работали студенты последнего курса Военно-медицинской академии.

В лабораторию нужно было являться без опоздания к 9 часам утра. В это время происходило распределение присланных на исследование из всех отделений госпиталя материалов между отдельными врачами, причём М. М. Гран, сверх своей доли исследований, во всех более ответственных или сложных случаях консультировал и проверял исследования и других врачей.

При наличии в госпитале более трёх тысяч больных число присылаемых на исследование мокроты и мочи вновь поступающих в госпиталь больных было очень велико. Пробы мокроты и мочи у них отбирались студентами под непосредственным контролем врачей. Мокрота от каждого больного обязательно исследовалась на присутствие в ней туберкулёзных палочек, диплококков пневмонии, стрептококков и пфейферовских бактерий.

Лабораторные врачи наравне со всеми другими врачами госпиталя несли в порядке общей очереди суточные дежурства. Обычно работа в лаборатории заканчивалась к 3 часам дня. Из лаборатории я направлялся в Областной комитет Всероссийского союза городов. По мере увеличения числа больных и раненых, эвакуируемых с фронта, мест в тыловых госпиталях для их размещения не хватало, и земский и городской союзы взяли на себя задачу открывать в помощь военному ведомству временные госпитали. Помимо ассигнования земствами и городами специальных средств на оборудование и содержание госпиталей, необходима была ещё и большая организационная работа по подысканию, приспособлению и оборудованию помещений под госпитали, по снабжению их необходимым инвентарём, медикаментами, подбору врачебного и прочего персонала. Для руководства этой огромной работой был создан врачебно-санитарный отдел Областного комитета Союза городов и при нём, в качестве специального рабочего органа — справочное санитарно-техническое бюро. Я был приглашён для устройства этого бюро и последующего руководства его работой.

Как было упомянуто выше, все врачи Главного (Николаевского) военного госпиталя поочерёдно несли суточные дежурства, во время которых обязаны были один-два раза в течение ночи обойти все отделения и палаты этого огромного учреждения для контроля над ухаживающим персоналом, оказания неотложной помощи в экстренных случаях; должны были проверять работу дезинфекционной камеры, принимать поступающие пищевые продукты (молоко, мясо, рыбу, хлеб и пр.), вести работу в приёмном покое и т. д. По истечении суток дежурный врач должен был составить отчёт. Для большей конкретности приведу случай сохранившуюся среди моих бумаг запись о таком дежурстве:

«Дежурный ординатор: лекарь З. Г. Френкель.

Пятница, 27.Ш.1915. Принял дежурство в 2 часа дня. С 2.30 до 3.30 — осмотр прачечной. Принято 52 пуда грязного белья. Загружены две паровые камеры по 10 пудов для мягких госпитальных вещей. Забучивание белья

с прибавлением на ведро 12 золотников¹ соды и скипидара. Дезинсекция. В верхнем этаже здания прачечной в помещении прачек обнаружены две больные прачки: 1)...суставной ревматизм, подозрение на Lues; 2) ...эпилепсия (после припадка).

С 4 до 4.30 — Проба ужина в госпитальной кухне и осмотр продуктов.

5 часов — Эпилептический припадок в палате № 22.

С 5.30 до 6.30 — Приём больных в приёмном покое (один из них с подозрением на брюшной тиф).

С 6.30 до 7 — Осмотр мяса, сметаны, сала и овощей на кухне и в подвале.

С 8 до 9 — Опять припадки (тяжёлая истерия) в палате № 22.

С 9 до 11.30 — Обход палат №№ 100-106, 23-25, 60-67. Тяжело больные, 1 — с подозрением на рожистое воспаление, один — крупозное воспаление.

С 11.30 до 1 ч. ночи — Сильное зловоние в клозете на 3 этаже.

С 5.30 до 6.30 утра — Приём и исследование молока. Уд. вес 1030, жирность — 3,3-4,3». И т. д.

Для меня выполнение обязанностей по дежурству представляло большой интерес, так как позволяло ознакомиться со всей структурой и организацией дела в военном госпитале, со всеми его санитарными службами, а также и потому, что при передаче сведений о моих наблюдениях и распоряжениях во время дежурства в разных отделениях, я имел случай лично познакомиться со многими врачами (Блюменау, Аствацатуров, Омельченко, Крогиус и др.).

Работа в лаборатории Николаевского госпиталя была прервана неожиданной для меня командировкой в Двинск для организации и проведения лабораторной работы во временном госпитале для сыпнотифозных больных, открытом осенью 1915 г. в связи со значительным развитием тифозных заболеваний на Двинском фронте. Для меня эта очень ответственная работа была облегчена благодаря большой опытности командированного вместе со мной доктора Ширвинда. Наряду с больными сыпным тифом в госпиталь направлялись в значительном числе также больные с брюшным тифом. Мне представлялось совершенно необходимым познакомиться непосредственно с условиями пребывания и питания солдат в окопах и на передовых позициях, откуда поступали больные. Для этого я воспользовался своим близким знакомством ещё по Костроме с уполномоченным Земского союза Г. Н. Юницким. Однажды с разрешения военного начальства я объехал с ним на его машине наши передовые позиции. Не доезжая до окопов, мы выходили из машины и по укрытым ходам сообщения проходили в передовые траншеи, осматривая всё их устройство. Несколько раз при приближении к окопам появление нашей машины вызывало обстрел. Снаряды взрывались, подымая огромные чёрные столбы земли и дыма, то перед нами, то довольно далеко сзади, когда мы уже шли по окопам. Мы прошли к землянке командира. Это был призванный из запаса студент-математик. В условиях позиционной войны он готовился к государственному универ-

¹ Пуд = 16,38 кг; золотник = 4,266 г.

ситетскому экзамену. Ознакомившись с условиями смены частей, их снабжением и условиями их обслуживания, мы к вечеру вернулись в Двинск. Только после почти полного прекращения эпидемической волны сыпнотифозных заболеваний мы были отозваны в столицу.

Из-за недостатка пептона, необходимого для снабжения бактериологических лабораторий средами, в лаборатории Главного военного госпиталя было налажено изготовление пептона из мяса путём длительного вываривания его в слабых растворах серной кислоты и последующего отмывания. По распоряжению главного врача я был привлечён к этим работам. Затем в течение летних месяцев мне поручен был контроль за работой по месячному выдерживанию мясных консервов в обширных термостатных камерах с ежедневной проверкой установленного в них температурного уровня, а также санитарный контроль за военно-продовольственными складами в холодильниках. В ходе этих работ я ознакомился с условиями санитарного контроля в некоторых отраслях продовольственного обеспечения армии.

Моя деятельность в Вологодском и Костромском губернских земствах по организации врачебно-санитарного обслуживания населения научила меня идти не бюрократическим путём (когда сначала устанавливаются и утрясаются штаты, инструкции, положения), а всегда начинать делать непосредственную живую работу по удовлетворению уже выяснившихся и требующих осуществления запросов. Я старался привлечь к выполнению этой работы имеющихся налицо подходящих работников, отвечающих по своей подготовке и общественной направленности данному делу. Только в процессе роста и развития деятельности, возрастания загрузки основных помощников привлекались сотрудники для конкретных определённых нужд. Так я вёл работу и теперь — в областном комитете Союза городов.

На всех этапах развёртывания работы санитарно-технического бюро возникавшие проблемы и перспективы расширения организации обсуждались коллективно сотрудниками бюро и представителями тех организаций и учреждений, запросы которых обслуживались, — разумеется, с привлечением сведущих специалистов в данном деле. При такой организации работы само собою складывалось некоторое основное ядро заинтересованных в ней работников; речи не могло быть о раздутых штатах, исчезал всякий риск появления хотя бы в зародыше бюрократизации дела.

Первым к работе в санитарно-техническом бюро я привлёк Дмитрия Валентиновича Нагорского. Инженер по образованию, Дмитрий Валентинович вёл в Политехническом институте курс строительного дела и по оборудованию зданий отоплением, водоснабжением и канализацией. Инициативный, подвижный, он очень интересовался внедрением новейших приборов и технологий в отопление и санитарное оборудование военных госпиталей, временных больничных и других военно-санитарных учреждений. Он охотно выезжал в прифронтовые районы для непосредственного руководства лучшим устройством госпиталей. Дмитрий Валентинович был сыном В. Ф. Нагорского, одного из организаторов земского ветеринарного дела в С.-Петербургской губернии. На основании первых его удачных опытов по оказанию помощи в обеспечении водою временных госпиталей им было составлено руководство, которое я поместил в одном из выпусков

«Материалов...» бюро. Быстро увеличивалось число заявок о помощи в составлении проектов и планов постройки и оборудования в прифронтовой полосе и в тылу госпиталей, бань и прачечных, дезинфекционных установок. Пришлось вскоре привлечь в помощь Дмитрию Валентиновичу архитекторов, инженеров и других специалистов.

Особенно много заявок на техническую помощь по строительству в прифронтовой полосе и в глубоком тылу было там, где размещались госпитали. Узнав о том, что в одном из военных эвакуогоспиталей в Петербурге работает весьма квалифицированный врач из Москвы Яков Юл. Кац, я пригласил его работать по совместительству у нас в бюро. С его участием у нас сложилось деятельное ядро, совместно решавшее все возникавшие дела и сообща намечавшее новые начинания. Поставив перед собой задачу содействовать рациональной постановке мероприятий по предупреждению и борьбе с эпидемическими заболеваниями в Петербургской губернии, в особенности в местах развёртывания военных госпиталей, мы с Як. Юл. Кацем считали, что основным условием для всякой рациональной противоэпидемической работы является создание на местах общедоступной врачебной помощи, устройство сети участковых лечебниц с инфекционными отделениями и с использованием общественной самодеятельности. Мы обратились во все города, уезды и к участковым врачам с письмом, в котором обосновали необходимость присылки в наше бюро регулярных сведений о работе врачебно-санитарных учреждений и об эпидемических заболеваниях.

Для выездов на места при появлении эпидемических заболеваний, не только для обследований, но и для созыва на месте врачебных совещаний и выработки плана всех возможных предупредительных мер, на работу в бюро была приглашена Екатерина Ильинична Мунвез (тогда носившая фамилию по мужу Эльштейн)¹. Перед тем она заведовала военно-санитарным поездом, вывозившим раненых и больных воинов из прифронтовой полосы. Приглашая Екатерину Ильиничну на работу в бюро, я учитывал хорошее знакомство её с участковой земской медицинской работой, так как до войны она служила земским участковым врачом в Пермской губернии, а раньше работала эпидемиологом.

Отчёты Я. Ю. Каца и Е. И. Мунвез о каждом выезде в районы и города и о проделанной ими там работе редактировал обычно я, после чего они печатались в текущих выпусках «Материалов врачебно-санитарного отдела и санитарно-технического бюро Областного комитета Союза городов».

Для помощи в организации на местах санитарно-просветительной работы в нашем бюро имелось много накопившихся постепенно показатель-

¹ Мунвез Екатерина Ильинична (1881–1962) родилась в Минске в семье купца-землевладельца. С 19 лет в семье не жила по идейным соображениям. В России, как политически «неблагонадежная», в вуз поступить не смогла, окончила Цюрихский медицинский институт в Швейцарии. Вскоре после знакомства с З. Г. Френкелем стала фактически его второй женой. В сентябре 1919 у них родился сын Илья, которому З. Г. дал свою фамилию. Но из первой своей семьи он не ушёл. Только после смерти Любови Карповны в 1948 г. стал жить с Е. И. Мунвез одной семьей.

ных таблиц, моделей, плакатов, снимков, диапозитивов и пр., прежде всего тех, которые можно было приобрести в Москве, в Пироговской комиссии по распространению гигиенических знаний (при правлении Пироговского общества). Главными работниками этой комиссии были А. В. Мольков и А. П. Молькова.

Дальнейшим шагом в развитии деятельности бюро по санитарному просвещению было приглашение для заведования передвижной выставкой по гигиене и борьбе с эпидемиями Е. Песковой, которая раньше вела эту работу в Екатеринославском земстве. Она с большим энтузиазмом, не щадя своих сил, занималась развёртыванием и работой передвижной выставки. Помещённые мною в «Материалах...» отчёты Е. Песковой представляют большой интерес для истории санитарно-просветительной работы врачебно-санитарной организации Северо-Западной области.

Много труда потребовалось на устройство плавучего госпиталя на баржах, буксируемых по рекам и каналам Мариинской системы¹. В летний период госпиталь занимался эвакуацией больных и раненых в далёкие от железных дорог города. Чтобы избежать размыва берегов каналов, передвижение судов по ним допускалось только очень медленное. Поэтому из Петербурга в Кириллов или Вытегру эвакуированные доставлялись около месяца. Сама собою возникла мысль, чтобы этот срок был использован не только для перевозки, но и для лечения. Чтобы добиться затраты наименьших средств на строительство самих судов, по совету моего близкого друга Ивана Васильевича Замыслова, бывшего члена 1-й Государственной думы от крестьян Варнавинского-Ветлужского края, были ранней весной куплены за ничтожную сумму стоявшие на Невке и предназначенные уже на слом две очень крупные по размерам баржи, на которых до войны перевозили из Астрахани в Петербург соль. В санитарно-техническом бюро были разработаны проекты постройки и оборудования на этих баржах госпиталя, предназначенного для лечения и доставки больных и раненых в города, расположенные по берегам рек и каналов.

Идея использовать водные пути для эвакуации и лечения раненых воинов принадлежала члену Областного комитета Союза городов В. В. Милютину, выступившему с докладом по этому вопросу в начале лета 1915 г. Эта идея показалась мне очень удачной и важной, и я напечатал доклад Милютин в III выпуске «Материалов...» за июнь-июль 1915 г. В том же выпуске было напечатано также моё сообщение о значении скорейшего осуществления проекта постройки плавучих госпиталей с приложением разработанных проектов такого госпиталя на 240 мест (на двух баржах) с операционными и всем оборудованием.

После покупки барж за весну и начало лета было выполнено строительство и полное оборудование плавучего госпиталя. Организационный талант, умение и настойчивость проявила при этом Екатерина Ильинична, на которую был возложен медицинский контроль над этим проектом. По

¹ Искусственный водный путь, соединяющий Волгу с Балтийским морем. Начал сооружаться ещё при Петре I. Часть каналов (канал) того времени сохранились до сих пор.

окончании оборудования госпиталя был подобран весь персонал от санитаров и санитарок, поваров и сестёр до заведующего врача. При отборе раненых и больных преимущество отдавалось самым ослабленным из них, с вялым затяжным течением заживления ран и восстановления здоровья.

Законтрактованный Союзом городов буксирный пароход повёл обе баржи вверх по Неве, а затем — по приладожским каналам и реке Свирь. Недели две спустя после начала рейса при одной из моих поездок я догнал плавучий госпиталь, стоявший у берега. В роще прогуливались наиболее окрепшие выздоравливающие раненые и больные. Другие лежали и сидели на верхних палубах и в палатах при открытых окнах, пользуясь тёплой летней погодой. Врачей поражало необычно скорое улучшение здоровья их подопечных и вполне благоприятное течение раневых процессов.

Тщательно ознакомившись со всеми условиями, сложившимися в первые же недели на плавучем госпитале, из разговоров с больными и персоналом, я пришёл к неожиданному для самого себя убеждению, что среди причин отмеченного всеми благоприятного результата на первое место следует ставить вовсе не физиотерапевтические воздействия природных условий, а преимущества в организации питания, ухода и врачебного наблюдения за больными на плавучем госпитале сравнительно с госпиталями в Петербурге. Провизия закупалась на месте (свежие яйца, молоко, птица, рыба, овощи и пр.). Порции не терпели ущерба, так как ни повара, ни санитарки, ни другой персонал не могли уносить готовую пищу, чтобы подкармливать своих домашних. Никакое совместительство ни для врачей, ни для прочего персонала не было возможно. Весь персонал жил на тех же баржах и, естественно, отдавал на обслуживание и наблюдение за больными гораздо больше своего времени. Устанавливалась атмосфера сближения с ранеными и постоянного внимания к ним.

Лето 1916 г. памятно мне тем, что с самого его начала и до конца августа я оставался в Лесном на нашей «Полоске» один. Любовь Карповна приняла предложение комитета Союза городов взять на себя организацию и устройство крупного госпиталя санаторного типа на южном берегу Крыма в Судак для выздоравливающих воинов, перенесших операции после тяжёлых ранений или больных туберкулёзом. У нас весною пробыл несколько дней Александр Николаевич Меркулов, один из наиболее энергичных деятелей Центрального комитета Союза городов по устройству военных госпиталей. Это была его мысль — устроить госпиталь на южном берегу Крыма. Озабоченный подбором надёжного персонала, он настойчиво убеждал Любовь Карповну взять на себя руководство организацией и ведением всего хозяйственного дела. Дав своё согласие, Любовь Карповна, с присущей ей тщательностью, стала готовиться к предстоящей работе: посещала лучшие госпитали Союза городов в Петербурге, знакомилась с постановкой в них хозяйства, с оборудованием помещений и инвентарём, изучала соответственные инструкции и отчёты и пр. Она решила взять с собою в Судак всех трёх наших дочерей, как только закончатся их занятия в Лесном коммерческом училище, где они учились.

В то лето я как-то особенно сильно загружен был работой. Ранним утрами (с 5 часов, а то и раньше) я торопился выполнить неотложные

очередные дела в саду . Это была непреодолимая нужда и потребность. Ей я отдавался, пока всё было погружено в сон. Затем, наскоро приняв ванну, спешно готовился к работе, копался в справочниках, писал черновики. Каждый день с 9 часов утра я должен был три-четыре часа работать в лаборатории Николаевского военного госпиталя, а остальную часть дня отдавал санитарно-техническому бюро. Деятельность последнего сильно разрасталась. Нужно было готовить вопросы к съезду представителей городских комитетов Северной области, принимать участие в разработке типовых проектов госпиталей и их санитарно-технического оборудования, постоянно консультировать по поступавшим с мест вопросам по организации противоэпидемических мер в местностях и городах, где были открыты госпитали и другие учреждения Союза городов. Приходилось также участвовать в наблюдении за оборудованием ещё двух плавучих госпиталей на баржах.

Возвращаясь после рабочего дня на «Полоску», я имел возможность в длинные летние дни ещё часа два-три, до 10–12 часов вечера, так же, как и утром, предаваться работе в саду: окапывал яблони, оправлял грядки малины, удалял сорняки, пересаживал кусты, ухаживал за огородом (грядками цикория, помидоров, фасоли, бобов) и цветниками.

Ко мне несколько раз заходил профессор Георгий Степанович Кулеша, в то время с большой любовью устраивавший цветники и сад на участке подле своего дома в Лесном. У него уже были прекрасные штамбовые и вьющиеся полиантовые розы, а я только пытался их развести на «Полоске». Зато у меня было несколько сортов замечательной малины. Они обильно плодоносили благодаря тому, что я каждый вечер поливал их водою из дренажного колодца, куда собиралась вода с полей орошения.

Г. С. Кулеша в то время занимал должность главного санитарного врача водных путей Санкт-Петербургского округа. Он с большим интересом отнёсся к моему маленькому полю орошения. Его поражала простота устройства и безукоризненная работа собственноручно мною устроенного и обслуживаемого поля орошения (площадью не более 80 кв. м). У него зародилась мысль устроить такое же поле орошения для очистки сточной воды дома для рабочих и служащих на водоподъёмной станции ключевого водоснабжения подле Тайцев (Орловские ключи). Водою этого водопровода снабжалось Царское Село. Чтобы избежать загрязнения района питания Орловских ключей, из каптажных¹ колодцев которых забиралась вода, нужно было сточную воду отвести в сторону и подвергнуть надёжной очистке. Надеюсь получить согласие на осуществление этого проекта начальника С.-Петербургского округа путей сообщений (это был крупный генерал), Г. С. Кулеша привёз его ко мне на «Полоску», чтобы показать поле орошения в действии. Генерал воочию смог убедиться в санитарных достоинствах моей системы для очистки домовых сточных вод. Затем в ближайшее воскресенье рано утром Г. С. Кулеша заехал за мной на машине и попросил отправиться на водопроводную станцию в райо-

¹ Каптаж — инженерно-технические сооружения, обеспечивающие доступ к подземным водам с поверхности земли.

не каптажа Орловских ключей для составления на месте предложений об устройстве поля орошения.

Это была очень интересная для меня поездка. По пути я впервые ознакомился с Пулковскими высотами. Недолгая остановка в Пулкове всё же позволила полюбоваться сверху, из парка у Обсерватории (от которого после немецкого нашествия не осталось ни одного дерева), на Пулковский меридиан. На Орловских ключах в каменном двухэтажном доме половина верхнего этажа была занята лабораторией и музеем гидробиологических культур, собранных при изучении ключевых вод и сохранявшихся заведовавшей лабораторией сотрудницей профессора Кулеши. Сточные воды из дома для рабочих и служащих подавались эжекторной¹ установкой инженера-сантехника К. Д. Грибоедова² вверх на заболоченный луг, где выпускались без всякой очистки.

При подробном ознакомлении с местными условиями и материалами гидрогеологических обследований и съёмок, у меня составилось предположение о возможности устроить поле орошения с инфильтрацией в борозды между грядок, с устройством отвода очищенных вод в сторону от направления подземных потоков, питающих каптажные сооружения для сбора ключевых вод. Для подробного составления проекта поля орошения я привлёк работавшего под моим руководством молодого инженера Марголиса. Мне пришлось ещё несколько раз побывать на Орловских ключах, когда там уже осуществлялся наш проект устройства поля орошения — летом 1917 г. Грядки между бороздками использовались под огородные культуры. Увы! После немецкого нашествия от этого санитарно-технического культурного сооружения не осталось и следа! Приехав на станцию ключевого водоснабжения города Пушкина (Царского Села) в 1950 г., я не нашёл прежнего поля орошения, а сточные воды скоплялись прямо в заболоченном лугу.

Живо вспоминается мне и более отдалённая поездка на машине в то лето с Георгием Степановичем для осмотра больниц для судорабочих на приладожских каналах в Кобоне и Новой Ладоге. Когда-то, в 1896–1898 гг., я тратил целые сутки, чтобы попасть из Петербурга в Новую Ладогу. Теперь на хорошей машине мы через два-три часа уже пересекали речонку Шальдиху, струившуюся по слоям обнажённых девонских плитняков, с густыми зарослями ольхи по берегам.

Мне вспомнились мои весенние прогулки по этим береговым зарослям двадцать лет назад. Вспомнилось, как однажды я долго наблюдал ворону, которая сидела на склонившейся к воде ветке ольхи. Она терпеливо высматривала подымавшуюся вверх против течения рыбу, и когда та проплывала в тонком слое воды над оголённой плитой, быстро бросалась с ветки в воду и вытаскивала трепещущую рыбу. С нею она улетала. Либо, не успев захватить добычу, подняв хвост, делала попытку пройти по плите в мелкой струе

¹ Эжектор — отсасывающий аппарат, применяемый в струйных насосах.

² Кстати, нынешний канал Грибоедова (бывший Екатерининский) соорудил также К. Д. Грибоедов, именем которого он и назывался. После Октябрьской революции каналу присвоили имя писателя и дипломата А. С. Грибоедова.

воды, но затем опять взлетала на повисшие над водою ветки и пристально всматривалась в воду. Помню, как приковало к себе моё внимание тогда это наблюдение.

На полпути до Новой Ладоги на старом Петровском канале в Кобоне мы осмотрели больничку в старом здании постройки петровской эпохи (на старой канаве Петра I) и затем приехали в Новую Ладогу, посмотрели деревянное здание новой больницы для судорабочих, разместившуюся на обширной песчаной площадке за «новой канавой». Здесь вполне можно было бы устроить поле орошения и организовать использование его под огород.

Мы успели на машине вернуться к вечеру обратно. Никогда не забыть мне жуткого недоумения, когда, подъезжая к «Полоске», я не увидел двухэтажного деревянного дома, стоявшего как раз против нашей калитки. В течение года дом этот пустовал. Теперь его спешно приспособляли под небольшой госпиталь для эвакуированных воинов. Было непостижимо, куда же он мог исчезнуть в течение одного дня?! Я вышел из машины и побежал не на «Полоску», а на место, где ещё утром был двухэтажный дом. Там были лишь остывающие зола, угли, да небольшие кучи покрытых копотью кирпичей. На «Полоске» я узнал, что пожар произошёл в обеденный перерыв. Делавшие срочную работу в воскресный день плотники, подгонявшие рамы и двери, ушли на обед, не оставив никакого сторожа. День был жаркий. Сухая июльская жара держалась уже несколько недель. Пожар увидели лишь тогда, когда весь дом был в огне. Пожарных гидрантов в Лесном не было. Пока приехали пожарные бочки и привезли воду из Круглого пруда, пожар успел уничтожить сухой деревянный дом, построенный без фундамента, «на столбах». Ветер был северо-восточный, дым и пламя несло в противоположную сторону от «Полоски». Но всё же остававшаяся одна в доме домработница Евлаша набралась страха.

По моей работе в земстве я всегда был сторонником огнестойкого строительства. Наш деревянный дом на «Полоске» был покрыт сразу, при постройке, гончарной черепицей, а стены предполагалось оштукатурить. Но на это всех наших скудных ресурсов не хватило. Теперь, под свежим впечатлением от пожара в таком близком соседстве, я решил немедленно сделать менее опасной в пожарном отношении, по крайней мере, ту стену, к которой у нас внутри дома примыкала спальня и обе детские комнаты. К моему большому огорчению, прямо против этой стены на расстоянии всего лишь 15 м новый застройщик Богданов построил своего рода «высотный дом» (хотя и деревянный) по проекту архитектора Грабе в стиле северонорвежской готики. На следующий же день я побывал в мастерской по изготовлению бетонных плит и пустотелых бетонных блоков. Там согласились быстро изготовить пустотелые бетонные плиты (10 см толщиной). Недели две спустя их привезли на «Полоску» и прикрепили к стене. Весь мой расход по осуществлению этого защитного покрытия стены в 10 м шириной и 4,5 м высотой составил около 200 рублей. В полной исправности стоит это прикрытие, по красоте не уступающее самой лучшей штукатурке, не потребовавшее ни разу никаких поправок, ремонта и окраски, и поныне, то есть уже более 50 лет.

За лето мне удалось скопить несколько сот рублей, и я до возвращения Любови Карповны, надеясь заслужить её одобрение за мои строительные улучшения, купил на лесном складе дешёвые доски и постлал их лагом на просторном чердаке, чтобы ещё больше отеплить потолки в комнатах, защитить чердак от пыли и создать полную возможность держать его в чистоте. На чердаке под черепичной крышей, высоком и светлом благодаря большим окнам в торцах, я устроил из дюймовки большие закрывающиеся книжные шкапы для размещения книжных и журнальных накоплений. Они и теперь служат своему назначению. Однако, к моему удивлению и большому огорчению, по возвращении Любови Карповны мои строительные новшества не встретили одобрения; напротив, я заслужил лишь упреки за ненужную расточительность.

В 1916 г. у нас возобновились дружеские отношения с семьёй Александра Фёдоровича Никитина. После переезда из Нижнего Новгорода в Петербург Александр Фёдорович окончательно сосредоточил свою работу на кафедре гигиены в Институте усовершенствования врачей. Он был ближайшим помощником Григория Витальевича Хлопина и на этой кафедре, и во врачебно-санитарном отделе Министерства народного просвещения. Я очень ценил составленную А. Ф. Никитиным книгу в помощь санитарным врачам: «Практическое руководство по способам санитарно-технических обследований и основных санитарно-гигиенических исследований». Затем Александр Фёдорович переключился на исследования по школьной гигиене. Его книга по гигиенической оценке учебников положила у нас начало гигиеническому нормированию печатных изданий вообще и в особенности школьных учебников и литературы для детей. Жена Александра Фёдоровича — Мария Максимовна Бокаушина была близким другом Любови Карповны. Ещё в 1895–1896 гг. они вместе учились на курсах лекарских помощниц у Лесгафта. Я тоже хорошо знал её по летней работе в больнице для судорабочих в Новой Ладоге. Среди большого числа студенток, сменявших друг друга на работе в Новоладожской больнице, Мария Максимовна выделялась своим живым деятельным характером, самостоятельностью и прямоотой в суждениях. Теперь она много внимания отдавала своим детям. Все её девочки были примерно одного возраста с нашими старшими дочерьми. Любимцем в семье был младший мальчик дошкольного возраста.

У Никитиных в дни приёмов мы встречались с Николаем Абрамовичем Викдорчиком и его сестрой Елизаветой Абрамовной. У них же мы познакомились с В. Н. Катиным-Ярцевым. Он был доцентом при кафедре болезней уха, горла, носа в Военно-медицинской академии, при кафедре В. И. Воячека и консультантом в нескольких госпиталях. Производил впечатление знающего и уверенного в себе специалиста; со студенческих лет сохранились у него связи с социал-демократическими левыми кружками. Когда сейчас я вспоминаю о нашем знакомстве с Катиным-Ярцевым, у меня встают в памяти волнения и трагический ужас, пережитые мною и всей нашей семьёй после операции по удалению аденоидных носоглоточных разражений осенью 1916 г. у нашей дочери Лидиньки.

Ей было тогда 14 лет, она часто страдала ангинами, а аденоидные разращения затрудняли у неё дыхание и вызывали головные боли. Катин-Ярцев

после тщательного обследования посоветовал хирургическое удаление этих разражений. Операцию произвёл он сам лично. Присутствовала и помогала ему при операции Екатерина Ильинична. Лидинька, решившись на операцию, перенесла её стоически. У меня не было убеждения в неизбежной необходимости операции. Я не мог подавить в себе волнение и сострадание к Лидиньке. После операции, прошедшей, по его мнению, совершенно благополучно, Катин-Ярцев уехал, а Екатерина Ильинична осталась — больше для спокойствия Любови Карповны и моего.

Через несколько часов, невзирая на все меры, кровотечение из оперативной раневой поверхности настолько усилилось, что больная невольно заглатывала большое количество крови. Это вызвало сильную рвоту с кровавыми сгустками. Проглатывание кусочков льда не помогало, рвотные движения и напряжение её ещё больше усиливали потерю крови. С трудом по телефону удалось связаться с Катиным-Ярцевым. Он был очень удивлён. Всё, что он мог предположить, — всё было уже перепробовано. Потеря крови была так велика, что Лидинька явно слабела. Было невыносимо мучительно видеть и переживать безысходность положения. У меня были минуты полного отчаяния. Только к утру кровотечение прекратилось. Совсем ослабевшая Лидинька была в полузабытье. Всё это время оставалась у меня тревога, что опять возобновится рвота сгустками крови. Надежду и самообладание мои поддерживала Екатерина Ильинична, всю эту бесконечно тянущуюся тяжёлую ночь дежурившая у постели больной. Только исподволь оправились Лидинька от последствий потери крови. У меня во всю последующую жизнь не изгладилась боль и смертельная тревога этой ночи.

С последними месяцами 1916 г. связаны гнетущие воспоминания и о моём заболевании тяжёлой глазной болезнью, в результате которой я в течение почти двух месяцев был лишён зрения. Поздней осенью я выкапывал в лесных зарослях молодые самосейные ели и переносил их для посадки вдоль забора «Полоски». Мне хотелось создать из елей, когда они разрастутся, живую зелёную защитную полосу для сада и дома с северной стороны. При этой работе я поранил еловой веткой с иглами правый глаз. Задета была и роговица. В амбулатории глаз промыли, и выпустили несколько капель атропина. По-видимому, у меня была какая-то повышенная чувствительность к атропину. Сильнейший конъюнктивит и боли долго не поддавались никакому лечению. Наконец, недели через две или три, я смог вернуться к работе в лаборатории Главного военного госпиталя. После нескольких дней работы, состоявшей преимущественно из приготовления и микроскопирования препаратов из мокроты для выявления пневмококков и коховских палочек, с таким трудом излеченный конъюнктивит возобновился и сразу же принял необычно тяжёлый характер. Встревоженная Любовь Карповна устроила мне приём у Беллярминова, а затем у Н. И. Андогского. Оказалось, у меня краевой кератит¹. Болезнью были поражены оба глаза. Применение атропина резко ухудшило положение. Воспаление затянулось надолго. Мне приходилось оставаться в комнате без света и

¹ Воспаление роговой оболочки, вызванное попаданием пневмо-, гоно-, стафило-, стрептококков и других вирусов и микробов.

носить повязку на глазах. Неустанный уход, промывка мне глаз, заботы и тревоги, поездки со мною на приёмы к глазным врачам — всё это легло на плечи Любови Карповны. Были дни, когда казалось, что у меня развивается паноптальмит¹. В то же время мучили ревматические боли в суставах. Только с февраля болезнь стала отступать. Вопреки требованиям навещавшего меня систематически доктора Ерёмича, настаивавшего на строгом постельном режиме, я стал вставать, преодолевая боли в ногах, общую слабость и резкое ослабление зрения, начал выходить во двор, разгребать снег, колоть и носить дрова.

Я чувствовал большую признательность к исключительно внимательному, благожелательному доктору Ерёмичу, принявшему горячее участие в постигшей меня беде, и не хотел вызывать его недовольства нарушением безусловных требований о соблюдении постельного режима. Всякий раз, ожидая его прихода, я лежал в постели. Я пытался убедить его, что движения, занятия — это необходимое условие жизни организма, питания его тканей, венозного и лимфатического оттока; что только благодаря занятости достигается отвлечение от болей. В его глазах врача-специалиста — это были вздорные соображения строптивного пациента, и он с удовлетворением указывал как, благодаря назначенному им постельному режиму, состояние моё улучшается. Оно, действительно, быстро улучшалось, но только в меру всё более полного перехода моего к работе во дворе. В связи с этим шло улучшение аппетита, самочувствия и общего настроения.

Некоторое улучшение зрения позволило мне перейти к ликвидации запущенности в делах по подготовке к печати материалов Технического бюро и докладов по врачебно-санитарному отделу областного комитета к предстоящему съезду уполномоченных городов Северо-Западной области. Основной задачей представлялось мне тогда закрепление и дальнейшее развитие тех методов и результатов, которые наметились в разрешении санитарно-технических и строительных нужд городов области — осуществлении профилактических мероприятий; предупреждении и борьбе с эпидемиями путём постройки общественных бань, бань пропускного типа, прачечных и дезинфекционных установок, правильной постановке ассенизационного дела в лазаретах, госпиталях, больницах и во всём городе. Вместе с тем, уже вполне выявилась беспомощность городов, с их крайне отсталым и низким уровнем благоустройства и всего коммунального хозяйства, в разработке планов и проектов технически правильного разрешения самых основных вопросов местного санитарного благоустройства, таких, как организация водоснабжения, постройка центрального водопровода или переход от вывозной системы удаления нечистот к устройству сплавных канализаций и пр.

Нужно было закрепить и расширить эту сторону деятельности Союза городов путём втягивания таких его учреждений, как врачебно-санитарный отдел и санитарно-техническое бюро, в обслуживание не только нужд, вызванных войной, но и других постоянных нужд городов и их населения. Отстаивание этой точки зрения красной нитью проходило через составлен-

¹ Острое гнойное воспаление всех тканей и оболочек глаза.

ный мною к съезду отчёт о деятельности врачебно-санитарного отдела и нашего бюро и в докладе о таком строительстве учреждений Всероссийского союза городов, чтобы они сохраняли своё значение для обслуживания не только экстренных нужд военного времени, но и постоянно растущих нужд санитарного благоустройства городов и обслуживания их населения после войны.

В то время (это было начало 1917 г.) на съезде областного комитета городов деятельное участие в его работе принял А. В. Луначарский. Он оказал поддержку моим предложениям. Доклад мой был помещён в виде руководящей статьи в «Общественном враче» (№ 1–3 за 1917 г.). В ней нашли отражение те мысли и стремления, которые лежали в основе всей моей работы и связывали в единую дружную товарищескую группу основное ядро работников санитарно-технического бюро и врачебно-санитарного отдела (И. А. Дмитриев, З. Г. Френкель, Д. В. Нагорский, Я. Ю. Кац, Е. И. Мунвез).

В это время в связи с расширявшейся деятельностью учреждений Петроградского областного комитета Союза городов начали зарождаться и складываться несколько новых отраслей обслуживания жертв войны и намечавшихся уже в то время нужд послевоенного времени. Всё возрастающее число выписывавшихся из госпиталей оперированных раненых, инвалидов ставило вопрос об их трудоустройстве и, прежде всего, о восстановлении полной или частичной их работоспособности.

С энтузиазмом преодолевала все трудности в работе по созданию для каждого увечного и оперированного соответствующего протеза сотрудница хирурга Н. А. Вельяминова — Изабелла Ипполитовна Черномская. Врачебно-санитарный отдел областного комитета Союза городов создал для неё возможность развернуть изумительное творчество в организации мастерской по изготовлению, при участии самих увечных, оригинальных, индивидуально приспособленных самых разнообразных протезов. После необходимого обучения пользованию этим протезом бывший часовщик, например, потерявший кисти обеих рук, возвращался к своей профессии; рабочий той или иной мастерской мог вернуться к своему мастерству. После своего выздоровления я несколько раз посещал учебную мастерскую по изготовлению протезов, и всякий раз уносил глубокое уважение к творческому подъёму и неутомимой борьбе за бережное отношение к человеческой личности Изабеллы Ипполитовны.

Среди эвакуированных в тыловые госпитальные учреждения были также душевнобольные, которые требовали дальнейшего лечения и наблюдения в специализированных больницах (колонии, патронаж, диспансеры). Но, как известно, все наши земские и немногие городские, да и казённые учреждения для душевнобольных были ещё до войны переполнены сверх всякой меры. Поэтому врачебно-санитарным отделом областного комитета была организована особая комиссия под руководством Петра Петровича Кащенко¹ для разработки всех вопросов о влиянии войны на психическую

¹ Кащенко Пётр Петрович (1858/59–1920) — русский психиатр и деятель земской медицины. Труды по социальной психиатрии и организации психиатрической помощи.

заболеваемость и для практического создания необходимых учреждений. Воспоминания о трудностях при оказании психиатрической помощи ещё во время моей работы в новгородской Колмовской больнице для душевнобольных в 1902 г. побудили меня принять самое деятельное участие в работах комиссии, возглавлявшейся П. П. Кащенко. В её состав Пётр Петрович сумел привлечь видных психиатров того времени — Смелова и др.

Но особенно большую активность развернул специально выделенный отдел помощи эвакуированным из армии туберкулёзным больным. Руководить этим отделом был приглашён А. Я. Штернберг¹. Чтобы не держать туберкулёзных больных долго в эвакуационных госпиталях, был открыт ряд учреждений санаторного типа. Под такие санаторные больницы были оборудованы пустовавшие в то время по реке Волхову «военные городки» — прежние Аракчеевские казармы. Помню, для осмотра уже открытого первого такого санатория и для решения вопроса о возможности устройства крупной туберкулёзной больницы в Селищенских казармах на берегу Волхова, я должен был принять участие в поездке вместе с А. Я. Штернбергом. Выехав поздно вечером из Петербурга по железной дороге, мы на станции Волхов пересели на пароход. Утро было свежее. Через широкое окно общей верхней каюты мы наблюдали восход солнца. Прибрежные поросли уже оделись густою зеленью. Широкий простор зеленевших лугов и далёкие, уже тёмные от молодой зелени леса вызвали чувство освежившейся к новой жизни природы, и я как-то невольно вслух произнёс стихи Гёте:

Des Lebens Pulse schlagen frisch lebendig,
Ätherische Dämmerung milde zu begrüßen;
Du, Erde, warst auch diese Nacht beständig
Und atmest neu erquickt zu meinen Füßen,

Признаюсь, я был немало удивлён, когда А. Я. Штернберг продолжил дальше это место из 2-й части «Фауста» Гёте:

Beginnest schon, mit Lust mich zu umgeben,
Du regst und rührst ein kräftiges Beschliessen,
Zum höchsten Dasein immerfort zu streben...²

Я считал А. Я. Штернберга хорошим клиницистом и большим специалистом по лечению туберкулёза, но никак не ожидал встретить в нём ценителя поэзии, смелых и глубоких философских обобщений Гёте. Но он, как я легко убедился из дальнейшего разговора, знал не только первую часть «Фауста», но и вторую, которую он не третировал шаблонно, как более слабую по силе и глубине творческого замысла и выполнения. С этого

¹ Штернберг А. Я. (?–1927) — создатель специализированной больницы для больных лёгочным туберкулёзом; организатор и директор Научного института туберкулёза в Ленинграде.

² Опять встречаю свежих сил приливом
Наставший день, плывущий из тумана.
И в эту ночь, земля, ты вечным дивом
У ног моих дышала первозданно.

Ты пробудила вновь во мне желанье
Тянуться вдалё мечтою неустанной
В стремленье к высшему существованью.

(пер. Б. Пастернака)

началось моё более близкое знакомство с А. Я. Штернбергом, продолжавшееся вплоть до его смерти.

Главным врачом уже открытого на Волхове туберкулёзного санатория оказался Я. О. Крыжевский, которого я знал ещё с 1910 г., когда он был ночлежно-санитарным врачом, сотрудником Н. Ф. Гамалеи и К. В. Караффа-Корбута по организации санитарного надзора за ночлежными домами. Пока А. Я. Штернберг занимался исследованием больных и консультациями по поводу назначений им, я ознакомился с помещением и усадьбой санатория. Значительная часть усадьбы была занята густыми зарослями ольхового молодняка. Для прогулок больных имелась лишь небольшая дорожка на прилежащей к зданию части двора. Я попробовал в натуре наметить дорожку достаточной протяжённости и интересную по планировке. Это мне удалось сделать без большого труда. По намеченной мною трассе без особых усилий и затрат можно было с помощью самих больных создать хорошую дорожку с местами для отдыха в беседках. Мне хотелось на живом примере показать возможность организации прогулок больных и пребывания их на открытом воздухе даже в трудных условиях. К сожалению, и А. Я. Штернберг, и его ученики недооценивали значение санитарно-гигиенических условий и, прежде всего, прогулок, отдыха и занятий на открытом воздухе среди приятных и ласкающих глаз природных видов.

При осмотре Селищенских казарм (одного из самых крупных Аракевских городков) пришлось убедиться в необходимости слишком крупных затрат для переустройства их под благоустроенное современное больничное учреждение, тем более для туберкулёзных.

Февральский переворот и Октябрьская революция (1917–1918)

В связи с длительным моим пребыванием на Международной гигиенической выставке в Дрездене в 1911 г. и последующими поездками за границу, а вслед за тем начавшейся мировой войной я на довольно длительное время отошёл от активной работы в кадетской партии. Только в мае 1916 г. ЦК партии Народной свободы вновь восстановил со мной тесную связь и призвал к активным действиям. Это было обусловлено тем, что именно тогда при обсуждении хода предварительных действий по подготовке к избирательной кампании в 5-ю Государственную думу среди членов ЦК распространилась мысль об увеличении числа кадетских депутатов в этой Думе за счёт возвращения к политической жизни «выборжцев» — членов 1-й Госдумы, которых некогда лишили права вновь избираться в парламент. Возникла мысль о создании для них (т. е. нас, осуждённых по Выборгскому процессу) цензов путём амнистии или изменения соответствующих статей в избирательных законах, чтобы официально выставить наши кандидатуры. Предполагалось подготовить такие цензы для Ф. Ф. Кокошкина,